

«Мосфильм» звездный след

В дни открытия Московского международного кинофестиваля уместно вспомнить и кое-что из жизни кино прошлых лет. Предлагаем читателям «ВК» заметки Кирилла Замошкина, многие годы проработавшего на «Мосфильме».

Экспромт Владимира Басова

В творческом объединении А. Алова и В. Наумова шло обсуждение режиссерского сценария известного мастера Михаила Швейцера «Маленькие трагедии» по А. С. Пушкину. Сценарий критиковали за отход от первоисточника. Кипели страсти. Сталкивались мнения. Михаил Абрамович стоял на своем. Но союзников у него практически не было. И тогда «на сцену» вышел добрейший человек, всеобщий любимец — режиссер Владимир Басов. Он был не только талантливый художник, профессионал высочайшего класса, но и удивительный оратор. Ах, как он умел говорить, причем долго и увлекательно! Басов развернул перед художественным советом сказочную панораму будущего фильма. И вдруг я понял, что Басов говорит не о сценарии, а о произведениях Пушкина. Свою зажигательную речь Владимир Павлович закончил полной и окончательной поддержкой сценария, считая, что его необходимо ставить.

Но, увы, даже Басов не помог. Сценарий был отвергнут. Швейцер, конечно, был расстроен. Его успокаивали, советовали еще поработать.

Уже в коридоре, выйдя из комнаты художественного совета, я спросил у Басова:

— Володя, ну скажи, пожалуйста, откуда у Михаила Абрамовича появилась ремарка в финальной сцене «Скупого рыцаря» — Альбер вырывает из рук умершего отца ключи. Ведь у Пушкина нет этой ремарки. Ну что стоило Александру Сергеевичу ее написать? Но он ведь не написал. От этой реплики полностью меняется образ Альбера.

— Какая еще реплика? — удивился Басов.

— Да ты что, Володя, не помнишь сценария?

— Да я его и в глаза не видел и не читал. Я читал Пушкина.

— Зачем же ты хвалил сценарий?

— Да ведь надо же Мишу поддержать, — грустно улыбнулся Владимир Павлович.

Через несколько лет Михаил Швейцер все-таки осуществил постановку «Маленьких трагедий», но уже в объединении телевизионных фильмов. Картина мне запомнилась только новеллой «Каменный гость», где роль Дон Гуана гениально сыграл Владимир Высоцкий.

Последняя встреча с Андреем Тарковским

Это было летом, когда режиссер Андрей Тарковский приехал в Москву (где-то в начале 80-го года) из Италии, где он приступил к съемкам новой картины «Ностальгия». Я случайно встретился с ним на Мосфильмовской улице у лесенки, ведущей к проходной студии. Мы были знакомы с ним с 60-х годов, когда вместе учились в Московском институте востоковедения (Андрей был студентом японского отделения).

— Слушай, Кирилл, ты ведь парторг студии. Посмотри, как все здесь неуютно, вот бурьян растет. Ты бы сказал хозяйственникам, чтобы они разбили здесь сквер, расставили скамейки, посадили цветы, соорудили даже небольшой фонтанчик. Как хорошо было бы здесь посидеть, поболтать накоротке. А?

— Хорошая мысль, Андрюша. Я постараюсь.

Пожав друг другу руки, мы разошлись. Я рассказал нашим хозяйственникам о предложении Тарковского. Они согласно покивали головами. На том все и закончилось. Откуда я тогда мог знать, что Андрей Тарковский последний

раз был на Родине.

Больше я его живым не видел. Если не считать документальных кадров.

Автограф Леонида Броневого

Однажды 27 августа, в День советского кино мы с режиссером Г. Н. Чухраем вышли из кинотеатра «Октябрь», где закончилась торжественная часть праздника.

Подходя к машине, чтобы ехать на родной «Мосфильм», мы встретились с двумя подростками. Держа в руках пригласительные билеты, они попросили нас дать автографы.

— Откуда вы нас знаете? — удивился Григорий Наумович.

— Вы режиссер Григорий Чухрай, — ответил без колебаний один из них.

— Правильно, — удивился Григорий Наумович и расписался на протянутых ему билетах.

Мы уже открывали дверь «Волги», когда второй мальчуган сказал мне:

— А вы, дядя?

— Да я никакого отношения к кино не имею, мальчик. — Не объяснять же ему, что я представитель далеко не престижной профессии кино-редактора.

— Э-нет, дядя. Я вас знаю. Вы — Мюллер. Артист Броневого.

До сих пор я и не думал, что чем-то похож на популярного артиста.

— Все, ребята, разоблачили, — рассмеялся я и расписался на пригласительных билетах «Леонид Бронево», понятия не имея, как в действительности выглядит его подпись.

Позже я рассказал эту забавную историю Леониду Бронево. Он расхохотался...

Тост Натальи Андрейченко

Это было время расцвета застоя, когда во всех средствах массовой информации прославлялся «союз искусства и труда». Такой «союз» был и между «Мосфильмом» и «ЗИОМ». Многочисленной делегацией мы «оккупировали» Дом культуры автогиганта, где происходило действо подписания дружеского соглашения. Там было все: выступления артистов, аплодисменты, улыбки, автографы, радио, телевидение.

После официальной части, мы, как полагалось, направились в банкетный зал, где столы были уставлены бутылками сорокаградусной крепости и разными деликатесами, купленными за нефтедоллары. Рядом со мной села актриса Наталья Андрейченко. Я, взяв бутылку «Столичной», хотел наполнить ей небольшую рюмку. Неожиданно Наташа прикрыла ее рукой и, улыбувшись, сказала: «Нет, нет. Держу форму. Только минеральную». «Боржоми», пожалуйста.

В первых своих фильмах она играла пышущих здоровьем, полных молодух. Теперь рядом со мной сидела стройная молодая женщина строгой точеной красоты.

Я подвинул фужер и налил ей минеральной воды, а себе — водки и, не дожидаясь первого тоста тамады, мы с ней чокнулись за новую жизнь.

И действительно, через некоторое время в ее личной жизни произошли серьезные изменения...

Прощай, Мэри Полпинс, и прости.

Прощание с Ларисой Шепитько

Я познакомился с Ларисой Ефимовной Шепитько во время «полуподпольного» показа на «Мосфильме» ее картины «Ты и я», который был устроен для творческой интеллигенции Москвы. Фильм

меня потряс: он говорил правду о нашей жизни. К тому же я был знаком с Юрой Визбором — человеком много-сторонних талантов, и был счастлив увидеть его на экране.

...Спустя лет семь, в июне 1979 года, случайно встретился с Ларисой, стоявшей у крошки тротуара на Мосфильмовской улице. Я знал, что Шепитько готовится к съемкам нового фильма «Прощание». Обычный вопрос к режиссеру: «Как дела, Лариса?». «А, Кирюша, здравствуй! Ну как тебе сказать? Стараюсь. Вот машину жду. А там... не знаю, как будет». И в этот момент Лариса Шепитько, одетая в плотно облегающий ее синий джинсовый костюм, высокая, стройная, красивая, как некое изображение с древних фресок, подняла правую руку и свободно протянула ее в полете, как бы указывая направление судьбы.

Мог ли я знать, что это была последняя встреча, прощание с великой женщиной XX века? 7 июля она вместе с моим товарищем погибла в нелепой автомобильной катастрофе...

Предсказание Александра Зархи

Однажды в коридоре «Мосфильма» я встретился с одним из старейших режиссеров студии, мудрым и эмоциональным Александром Григорьевичем Зархи.

— Послушайте, — сказал он, — вы хоть видите, что происходит вокруг?

Я огляделся.

— Ну, спует народ.

— Вот именно, спует. И все с бумажками, с бумажками. А вы не задумывались, что происходит со студией? Сколько новых людей, которым совершенно безразлично творчество! Коллектив-то разваливается. Уже никто не думает о творчестве, об уровне мастерства. Каждый озабочен только тем, как бы побыстрее и побольше урвать для себя.

— Вы преувеличиваете, Александр Григорьевич, — сказал я, прекрасно понимая, что мастер в принципе прав...

С того случайного «проходного» разговора прошло лет 12. Александр Григорьевич впоследствии неоднократно говорил на собраниях студийных активистов, что кризис «Мосфильма» нарастает, что беда грозит студии. Говорил убежденно, с болью, с ним соглашались. Но разрушение продолжалось, оно неумолимо. И никакие заключения, решения, убеждения не помогли. В период перестройки студия, следуя моде, тоже перестраивалась. «Перестраиваются» она и сейчас. Зарабатываются деньги, сдаются в аренду техника, помещения, павильоны. Даже кооперативные фильмы выпускаются. Но кто их видит? Рухнула система кинопроката, и я часто вспоминаю давние пророческие слова А. Г. Зархи. Вот только не нашлось пока ни врача, ни медикаментов, чтобы вылечить студию, которая была когда-то гордостью отечественной кинематографии.

«Мосфильм» не живет, «Мосфильм» существует.

Кирилл ЗАМОШКИН.